

КАВКАЗЪ

АБХАЗІЯ, АДЖАРІЯ, ШАВШЕТІЯ,

ПОСХОВСКІЙ УЧАСТОКЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

Графини Уваровой.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-го Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Уварова, Путевыя замѣтки, 917/101

K a v k a z ' .
КАВКАЗЪ

АБХАЗІЯ, АДЖАРІЯ, ШАВШЕТІЯ,

ПОСХОВСКІЙ УЧАСТОКЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

Графини Уваровой.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ, Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

DK511
C128
v. 2

Предлагая нынѣ читателямъ второй томъ моихъ „Путевыхъ Замѣтокъ“ о Кавказѣ, считаю своею обязанностью замѣтить, что появленію въ свѣтъ онѣ обязаны тому любезному вниманію, съ которымъ была принята первая часть моихъ записокъ. Сохраняя и за вторымъ томомъ характеръ дневника, писаннаго во время самаго путешествія и обращающаго потому вниманіе на малѣйшія подробности природы, и памятниковъ старины, я должна однакожъ просить извиненія если вдавалась за этотъ разъ въ болѣе подробное описаніе церквей. Драгоцѣнные памятники эти еще такъ мало обследованы, такъ мало извѣстны въ нашей литературѣ, что я не сочла себя вправѣ не обратить вниманіе читателя—какъ на архитектурныя детали, такъ и на красоту ущелій, горъ и потоковъ, которые вполне достойны служить прелестной рамкой этимъ остаткамъ древняго величія исторической Грузіи.

Въ составъ предлагаемаго нынѣ втораго тома вошла—поѣздка 1886 года и только часть поѣздки 1888 г.; остальная часть путешествій этого года составятъ вмѣстѣ съ путешествіемъ 1890 г. томъ третій „Путевыхъ Замѣтокъ“.

С. Портьке,
20 Мая.

1886 г.

17-го іюня, въ 12^{1/2} часовъ выѣхала изъ Москвы, на Курскъ, Харьковъ, Лозовую, въ Севастополь. 18-го просидѣли въ Харьковѣ цѣлый день, такъ какъ поѣзда прямаго сообщенія не оказалось и пришлось ждать до вечера. Обѣздили, осмотрѣли городъ. Онъ оказался большимъ, хорошо обстроеннымъ, но не археологичнымъ, и даже не симпатичнымъ. Въ 9^{1/2} час. вечера двинулись далѣе.

19-го. Не доѣзжая до станціи Александровской, ближе къ станціи Софіевки, направо отъ дороги, рядъ симметрично растянутыхъ кургановъ, оканчивающихся тремя—болѣе значительными и по виду не тронутыми. Около станціи Михайловки, влѣво, большіе курганы; послѣ Мелитополя также.

Трава скошена и убрана; жатва въ полномъ разгарѣ. На небѣ—ни облачка. Жара значительная и съ ранняго утра дышется тяжело. Откосы дороги уже выжжены и хлѣба стоятъ невеселые.

Около Александровки блеснулъ вправо отъ дороги Днѣпръ и надолго, послѣ того, его затоны и рукава, разливаясь по окрестности, освѣжили и оживили мѣстность: тростникъ, высокая, сочная трава, огороды, фруктовые сады и ветлы — смѣнили на нѣсколько верстѣ томительную, выжженную степь.

Баласть на полотнѣ желѣзной дороги состоитъ здѣсь изъ мелкаго песка съ примѣсью огромнаго количества измельченныхъ морскихъ раковинъ (*sag-dium*), подтвержденіе мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ нашихъ южныхъ степяхъ древнее морское дно.

Послѣ Ново-Георгіевскаго видимъ, налѣво, синюю полосу моря, а вскорѣ потомъ и соленныя озера съ кучами соли на берегахъ.

Переѣзжаемъ на Таврическій полуостровъ узкою земляною, наносною полосой и желѣзнымъ мостомъ. Море по обѣимъ сторонамъ дороги играетъ и искрится подъ лучами заходящаго солнца. Крымъ представляется нашимъ глазамъ въ видѣ невысокаго, пустыннаго берега, образовавшагося изъ наносовъ. Станція Таганашъ первая на полуостровѣ. За Таганашемъ, ближе къ станціи Джанской, — на горизонтѣ — большіе, правильно расположенные курганы — можетъ быть сторожевые. Поздно вечеромъ, около 2-хъ часовъ, приѣзжаемъ въ Севастополь. Ночь довольно темная, и только маячные огни, сторожевыя лодки и уличные фонари освѣщаютъ прелестную бухту града-мученика.

20-го июня. Долго бродили по Херсонису. Геромонахъ Агафодоръ весьма любезно и обязательно по-

казалъ намъ храмъ и обошелъ съ нами весь древній городъ и производимыя въ немъ раскопки.

Раскопки эти ведутся на удачу, безъ знанья и системы, а главное, безъ любви и сознанія того, что городъ этотъ долженъ быть дорогъ каждому Русскому и что мы, по меньшей мѣрѣ, должны дорожить имъ, какъ дорожатъ въ Италіи Помпеей.

Вся земля древняго Херсониса, въ числѣ 400 десятинъ, принадлежитъ монастырю, который пользуется, кромѣ того, денежнымъ вспомошествованіемъ правительства и дарственными, доходными землями, въ Мелитопольскомъ и Бердичевскомъ уѣздахъ.

Земля и поля древняго Херсониса ничего не приносятъ монастырю; только въ этомъ году, въ первый разъ, одинъ грекъ снялъ низины и засадилъ ихъ табакомъ. Изъ словъ насъ сопровождавшаго іеромонаха легко понять, что монастырь съ удовольствіемъ отдастъ земли эти тому, который захочетъ ихъ взять за нѣкоторое вознагражденіе. Пора бы это сдѣлать, пора бы убѣдиться, что монаховъ легко удовлетворить отпускомъ земель, болѣе для нихъ выгодныхъ, между тѣмъ какъ древній Херсонисъ необходимо сохранить для исторіи страны, которой онъ служить колыбелью православной вѣры.

Взявшись за это дѣло, слѣдовало бы помимо археологическихъ цѣлей, постараться обсадить, обѣмнить эту пустыню, воскресить, пожалуй, память той рощи, о которой упоминаетъ св. Климентъ, говоря о посѣщеніи имъ могилы матери.

Чудна и прелестна Севастопольская бухта. Была страшная буря, и все свободное наше время мы

просидѣли на берегу, любуясь находящими валами и брызгами разбивающихся о камни волнъ. Уѣхать мы не рѣшились, не смотря на то, что на другой день по нашему приѣзду шелъ пароходъ въ Керчь и далѣе; рѣшились ждать воскресенья, чтобы ѣхать на «Пушкинѣ», считающемся однимъ изъ лучшихъ пароходовъ Россійскаго Общества Мореходства и Торговли. Подъ вечеръ хотѣлось съѣздить на Братское Кладбище, но лодочники отказались перевозить насъ ради бури, и намъ пришлось довольствоваться прогулкою въ доки, для осмотра новыхъ построекъ и новыхъ броненосцевъ. Бѣлокаменный Севастополь возсоздается и, благодаря неизсякаемымъ каменноломнямъ Инкерманна, снова вырастаетъ такимъ же бѣлымъ и строго классическимъ, какъ и въ былое время. За послѣдніе три года сдѣлано весьма много; теперь же продолжаютъ работать еще съ большей энергіей.

Смотря на этотъ бѣлый городъ, на бѣломъ утесѣ, на берегу зеленовато-синихъ волнъ Босфора, понимаешь, что древніе греки должны были разыскать, заселить и полюбить эту мѣстность; въ глазахъ ихъ она воплощала идею златокудрой, синеокой (glaucopis) Афины.

21-го. Предприняли поѣздку въ Бахчисарай. Ночью бушевала страшная буря; дождь лилъ ливнемъ, но къ 6 часамъ небо прояснилось, вѣтеръ поулегся, и мы рѣшили не откладывать поѣздки, не смотря на то, что приходилось ѣхать въ экипажахъ 40 верстъ, что не совсѣмъ удобно въ сомнительную погоду, тѣмъ болѣе, что не хотѣлось ѣхать въ закрытой каретѣ.

Въ 7 часовъ двинулись въ путь. Погода то свѣтлѣла, то снова хмурилась, то пугала насъ мелкимъ осеннимъ дождемъ; температура напоминала гораздо болѣе покинутый нами сѣверъ, чѣмъ благословенный югъ, жарами котораго насъ такъ пугали въ Москвѣ, но, завернувшись въ бурки, мы смѣло двигаемся впередъ, радуясь, когда лучъ солнца золотитъ верхушки горъ, или на минуту освѣщаетъ передъ нами Севастопольскую бухту. Дорогу до Бахчисарая можно раздѣлить на двѣ половины: первую—болѣе пустынную, почти безъ всякой растительности; вторую—засаженную, запаханную какъ садъ.

Сейчасъ, послѣ Севастополя, дорога поднимается въ гору и долго тянется по тому известковому кряжу третичной формаціи, который опоясываетъ городъ и составляетъ мѣстный грунтъ. Все пусто и уныло кругомъ; мелкій кустарникъ (дубъ, бобовникъ и какое-то мелколиственное растеніе съ желтымъ цвѣтомъ, называемое ямщикомъ, березнякъ) кой-гдѣ прикрываетъ скудную почву. Оставляемъ вправо Ялтинское шоссе, иѣкоторое время ѣдемъ по весьма плохой дорогѣ, выѣзжаемъ наконецъ на шоссе и черезъ нѣсколько времени начинаемъ спускаться къ Черной рѣчкѣ—«Бююкъ Езенъ», по татарски. То, что видимъ съ дороги отъ Инкерманской долины, представляется какъ бы продолженіемъ Севастопольской бухты: это зеленая, болотистая въ началѣ, глубокая балка, окруженная съ трехъ сторонъ известковыми горами, у подножья которыхъ узкой лентой, тихо и плавно, пробираются мутныя воды

Черной рѣчки. Направо каменоломни съ одной стороны, Пещерный монастырь (по татарски Кермень—крѣпость, Инъ—пещера) съ другой; предъ нами мертвые холмы, увѣнчанные маяками; налѣво голубыя воды Севастопольской бухты. Переѣзжаемъ рѣчку, пробираемся по насыпи черезъ болото и живо поднимаемся въ горы.

Послѣ переѣзда чрезъ полотно желѣзной дороги (около станціи Белбекъ) мѣстность оживляется: поляны зеленѣютъ, холмы покрываются лѣсами, и взоры ваши привлечены множествомъ фруктовыхъ садовъ, пирамидальными тополями, цвѣтущими изгородами;—чувствуется рука человѣческая, но жилья еще нигдѣ не видно. Повороты шоссе доводятъ насъ до зеленой лощины, поросшей прелестными ветлами и пирамидальными тополями. Проѣзжаемъ мимо двухъ шоссеиныхъ дорогъ, окруженныхъ цвѣтущими каталпами, перебираемся черезъ мостъ на рѣкѣ Белбекъ, и снова пробираемся у подошвы холмовъ. Мѣстами характеръ горъ измѣняется: наслоенія становятся вертикальными и вершины ихъ иной разъ напоминаютъ огромныя *tables branlantes*; откосы же, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, представляютъ блестящую поверхность вертикальнаго лепестковаго известняка.

Но вотъ опять направо—поля, вязы, зеленые холмы, дубы, орѣшникъ и виноградники. Впереди,—какъ бы поперегъ дороги—темно-синій хребетъ. Татарское мѣстечко Дуванхой на мутной, послѣ дождей полноводной и бурливой рѣкѣ Белбекъ, съ нависшими ивами и тополями.

Нарядное народонаселеніе празднуетъ байрамъ—конецъ поста и пестрыми костюмами придаетъ еще болѣе живописности прелестному мѣстечку. Дорога прорѣзаетъ песчаные холмы и снова поднимается въ гору. Оползы, осыпи горъ представляются глазамъ нашимъ совершенно бѣлыми, мѣловидными. Снова все мертво кругомъ. Но вотъ направо позеленѣлъ предъ вами глубокій провалъ, образовавшійся изъ оползъ горъ и весеннихъ промоинъ; на горизонтѣ высокія, темно-зеленыя горы. Еще немного и хребетъ этотъ принимаетъ причудливыя формы конусовъ, столовъ, которые рѣзко выдѣляются на темномъ, грозовомъ небѣ. Переѣзжаемъ еще разъ черезъ плотно желѣзной дороги и съѣзжаемъ въ зеленую запаханную лощину, образуемую рѣкой Качей, съ табачными плантаціями, тополями и каштановыми деревьями.

Еще нѣсколько верстъ по пустыннымъ холмамъ, и долина рѣки Чурукъ-су является предъ нами какъ зеленый, глубокій оазисъ среди такихъ же пустынныхъ вершинъ съ своими зелеными садами; красивыми постройками, мечетями, пирамидальными тополями и ханскимъ дворцомъ. Мы въ *Бахчисаранъ*. Подъѣзжаемъ къ дворцу, переступаемъ ворота и, очарованные, останавливаемся: предъ нами широкій, чисто восточный дворъ—садъ, дворъ какъ тѣ, которые встрѣчали въ Эривани около мечетей, дворъ, съ зеленью и фонтанами, съ вьющимися растеніями, съ группами тополей и обстроенный со всѣхъ сторонъ низкими восточными постройками, составляющими дворецъ Гиреевъ, нѣкогда повелителей грозной

Крымской орды. Солнце освѣщаетъ всю долину; но, не смотря на это, крупный лѣтній дождь, играя въ солнечныхъ лучахъ, поливаетъ прелестный дворцовый дворъ и придаетъ еще болѣе прелести окружающей насъ картинѣ. Располагаемся на тѣнистомъ балконѣ дворца, подъ развѣсистыми вѣтвями каштановаго дерева, и не можемъ оторваться отъ чарующей картины. Такъ тихо и спокойно здѣсь, что, кажется, остался-бы здѣсь на всю жизнь.

То же впечатлѣніе выносите вы и изъ посѣщенія дворца, его внутреннихъ садиновъ, мечетей и кладбища, гдѣ почиваютъ грозные Гирей, ихъ ханши и родственники.

„Фонтанъ слезъ“ или фонтанъ Маріи Потоцкой, воздвигнутый, по словамъ Пушкина, въ углу дворца, уединенный, стоитъ среди пустыннаго внутренняго дворика; но изъ него теперь не „журчитъ во мраморѣ вода, не каплетъ хладными слезами, какъ плачетъ мать во дни печали о сынѣ падшемъ на войнѣ.“

Верхомъ предприняли поѣздку въ *Успенскій Скитъ* и *Чуфутъ Кале*. Первый—прелестное, зеленое ущелье, воздѣлываемое двадцатью монахами, съ полями, покосами, бѣленькими церквями, построенными подъ навѣсами скалъ, или прилѣпленными къ натуральнымъ пещерамъ. Второй—извѣстный пещерный городъ Караимовъ, съ живописнымъ видомъ на окружающія его ущелья. Подъ сильнымъ ливнемъ вернулись въ Бахчисарай. Съ грустью покинули прелестный ханскій дворикъ и поздно ночью вернулись обратно въ Севастополь.

22-го Іюня. Выѣхали изъ Севастополя моремъ, въ часъ дня, на Пушкинѣ, роскошномъ пароходѣ Русскаго Общества пароходства и торговли. Качка была сильная, но только до маяка, то есть, при выходѣ изъ бухты. Волны въ бухтѣ свѣтло-зеленыя съ лазоревымъ оттѣнкомъ; позднѣе—болѣе темныя, совершенно синія. Берегъ голый, мертвый и довольно низкій до Георгіевскаго монастыря, который представляется намъ снова зеленымъ оазисомъ среди окружающей мертвой пустыни.

Вскорѣ потомъ Балаклавская бухта. Останавливаемся въ Ялтѣ, беремъ экипажъ и посѣщаемъ Ливадію, Оріанду.

23-го отъ 4-хъ до 6-ти часовъ утра стоимъ на Теодосійскомъ рейдѣ. Съ парохода городъ кажется большимъ, хорошо обстроеннымъ, но расположенъ въ такой же пустынной мѣстности. Послѣ него, и до самой Керчи, видимъ все болѣе и болѣе кургановъ, образующихъ между развалинами Нимфеи и Керчью непрерывную цѣпь.

Около 12 часовъ останавливаемся напротивъ Керчи. Пушкинъ къ берегу не подходитъ, боясь мелководья бухты; но мы пересаживаемся на болѣе маленькій пароходъ и переѣзжаемъ на берегъ. Керчь, богатѣйшее въ мірѣ древнее кладбище, изуродованное, разграбленное безъ всякой системы, безъ всякой научной цѣли. Раскапывая наудачу древнія могилы Пантикапеи, мы обогащали Эрмитажъ; кладочислатели за то же время дѣлали свое дѣло, но никто не подумалъ, что прежде всего слѣдовало снять планъ мѣстности, опредѣлить настоящее положеніе города,